

ДЕФЕКТНЫЕ ГОСУДАРСТВА: СОВРЕМЕННЫЕ РИСКИ И ВЫЗОВЫ

А. Л. Стризов

Волгоградский государственный университет

Поступила в редакцию 30 июня 2014 г.

Аннотация: в статье рассмотрены структурные, функциональные и исторические аспекты возникновения несостоявшихся, дефектных государств. Показано, что функциональная несостоятельность является отражением незрелости политической элиты. Главная проблема, которую неспособны решить дефектные государства, – внутренняя интеграция общества, а также его интеграция в международные организации и союзы. Особое внимание автор уделяет политическим рискам, источником которых являются дефектные государства и руководящие ими политические элиты.

Ключевые слова: государство, несостоявшееся государство, политические элиты, социальная интеграция, международная интеграция, функции государства, политические риски.

Abstract: the article considers structural, functional and historical aspects of the origins of failed states. It is shown that functional failure is the reflection of immaturity of political elite. The main problem, which failed states are incapable to solve, is internal integration of society, and also its integration into international organizations and unions. The author pays special attention to political risks triggered by failed states and their governing political elites.

Key words: state, failed state, political elite, social integration, international integration, state functions, political risks.

В современной политической науке при анализе самых различных процессов речь все чаще заходит о несостоявшихся (failli, failed), дефектных государствах, оказавшихся неспособными адекватно и своевременно ответить на вызовы и риски глобализирующегося общества. При внешней правовой оформленности, а иногда и международном признании они оказались функционально недееспособными. Эти деструктивные процессы не ограничиваются периферией, «государствами-изгоями», «провалившимися» или «восстанавливающимися» государствами Азии и Африки: процессы устойчивых функциональных сбоев имеют место и в центрах мировой политической жизни. Можно констатировать, что эти сбои в деятельности современного государства имеют некоторые общие инвариантные основания, которые должны стать предметом теоретического исследования.

С позиций системного подхода, традиционно доминирующего в политических науках, всякий феномен может быть рассмотрен в трех аспектах: структурном, функциональном и генетическом. Представляется, что структурный анализ при рассмотрении дефектной государственности малопродуктивен. Он чаще всего приводит к сугубо юридическому взгляду на политическую реальность, который отвлекается от содержания разворачивающихся в ней процессов.

К тому же государственные формы консервативны, хотя и отличаются большими адаптивными возможностями, зависящими от интересов и воли функционирующих политических сил. Возникающие в этих условиях формально-юридические несоответствия либо достаточно легко устраняются законодательным путем, либо столь же легко игнорируются (обходятся) политическими акторами.

Именно активность субъектов государственной политики делает функциональный аспект анализа дефектной государственности гораздо более эвристичным. Если говорить о социально-экономических и социально-политических структурах и акторах, то можно выделить ряд сил, не заинтересованных в усилении и эффективном функционировании государства. В. А. Красильщиков относит к их числу коррумпированных политиков и бюрократов, связанных с прежними, ранее свергнутыми режимами; бизнес-группы, включенные в нелегальную торговлю и контрабанду; группы молодежи, для которых война и криминальная деятельность стали способами существования; бизнес-группы, «которые монополизировали добычу или продажу каких-либо ресурсов, не желая делиться своими доходами с остальной частью населения, включая другие «околоэлитные» группы»; лидеров, носителей персонифицированной авторитарной власти [1, с. 105]. В дополнение к приведенному списку можно было бы указать на региональные

бюрократические кланы, сформированные по земляческому принципу, а также на региональные кланы «силовиков», монополюбно контролирующих местные элиты наличием «компромата». Перечисленные выше акторы склонны рассматривать государство как инструмент реализации собственных частных интересов. Такая «приватизация государства» лишает его способности функционировать в общественно значимых целях, будь то поддержание правопорядка, баланса равенства-неравенства или обеспечение развития человеческого капитала.

Наибольшими возможностями в деле «приватизации государства» обладает элита общества, и прежде всего политическая элита. Ее социальные качества, опыт управления и состояние организации оказываются решающими факторами в определении перспектив государственной и региональной политики, выбора режима функционирования аппарата власти и управления. Процессы глобализации, равно как и локальные политические трансформации (в частности, на постсоветском пространстве) создают новые напряжения и расколы внутри элиты, вызывая к жизни постоянную реконфигурацию ее основных субъектов. При этом политика модернизации, проводимая государством, может порождать не просто оппозиционность отдельных элитных группировок, но и питать их антигосударственную активность, запуская механизм, парализующий государственную волю. Как отмечают исследователи, «важным элементом этого механизма может стать и социально-культурный раскол между различными элитными группами – теми, которые заинтересованы в сохранении статус-кво, и более передовыми, с точки зрения модернизации, приверженными другим культурным ценностям и ориентированными на подлинную модернизацию» [там же, с. 106–107]. Таким образом, в элите проявляют себя как конструктивные, так и деструктивные в функциональном плане силы.

На каждом из этапов осуществления политики модернизации мы можем наблюдать ту или иную конфигурацию элитных группировок, в которой действуют определенные силы реформистского и контрреформистского толка. Линия раскола внутри элит может пролегать и по другим осям: сторонники национально-государственных и общественных интересов могут противостоять корпоративно-клановым объединениям земляческого, этнического, бюрократического характера; защитники привилегий центра – поборникам регионального развития; монополисты, бесконтрольно присваивающие разные виды ренты, – тем, кто лишен доступа к ней. Борьба кланов и группировок в функционирующей элите общества может приводить к более глубоким дефектам государственности, чем саботаж политики модернизации: к кризису и потере управляемости, к расколу обще-

ства и масштабному гражданскому противостоянию, балансирующему на грани общенационального конфликта и кризиса.

Если говорить о генетическом аспекте функциональной несостоятельности государства, то следует выделить, по меньшей мере, три значимых момента. Первый из них связан с общим ходом исторического времени: национальное государство классического типа могло бы в ряде случаев считаться вполне дееспособным в конце XIX – начале XX в., но на пороге XXI в. вступить в период кризиса. Этот кризис может быть связан с неспособностью модифицировать традиционную политику идентичности в условиях демографических, миграционных, конфессиональных сдвигов, изменений массовой культуры, а также с неспособностью реализовать политику управления социокультурными конфликтами.

Второй момент обусловлен спецификой становления государственности на периферии мировой политической системы, вне европейского и североамериканского ядра современной цивилизации, когда традиционалистски построенное государство должно было осуществлять различные, в том числе экономические и неэкономические, задачи проекта национального возрождения и не смогло справиться в полном объеме со всем их комплексом. В этом случае государственная политика социальной интеграции вырождается в построение этноцентричной системы власти, а значит, и иных систем влияния (деньги, собственность, ценности, информация), в которой складываются неравные отношения псевдоединства, фактически сочетающие элементы патроната и этнокультурной автономии, с неизбежностью продуцирующие внутренние, в том числе силовые, конфликты.

Наконец, ситуации распада многонациональных государств (СССР, Югославии) обозначают третий темпорально значимый момент, когда национальная элита, фактически обладающая управленческой властью на определенной территории, волею обстоятельств оказывается «вынужденной» в чрезвычайном порядке, на полном ходу (т.е. без особого переходного периода) сесть в поезд национальной государственности. Специфика хрупкости новых политических образований в этом случае описана в литературе как появление стран «с несостоявшейся национальной государственностью, которую *слишком поздно уже начинать* (выделено мной. – А. С.) и для которой, по большому счету, нет никаких внутренних оснований для того, чтобы ее сохранять» [2]. По сути дела, вопрос об их жизнеспособности можно сформулировать так: всегда ли, в любой ли момент исторического времени нация может сесть в поезд собственной национальной государственности? Обоснование положительного ответа на него предполагает предварительное прояснение другого вопроса: не

обернутся ли связанные с этим потери энергии, ресурсов и времени стратегическим отставанием нации от ее ближайших и отдаленных соседей в технологическом, экономическом и культурном развитии? Во всяком случае, необходимы разработка и реализация особой политической стратегии компенсации потери нацией своего исторического времени, в которой важная роль отводится политической элите и ее способности интегрировать общество.

Специфика вызовов и рискогенность ответов социокультурной интеграции общества в этой ситуации обусловлены тем, что отсутствует (как в первом случае) традиция государственности, к которой можно апеллировать, а также традиция политической (национально-освободительной) борьбы за государственность (как во втором случае), в которой можно было бы искать корни легитимности и выстраивать ассоциативный ряд идентификации. Как показывает опыт некоторых постсоветских государств, попытки конструировать историческую традицию национально-освободительной борьбы чаще ведут к расколу общества, чем к его интеграции. В определенной мере носителем образцов и стандартов легитимации и идентификации для бывших колоний (второй случай) оказывалась метрополия. Однако в ситуации распада многонациональных государств (третий из приведенных выше случаев) подобная схема конституирования нового государства и общества была практически невозможна. К тому же в такой ситуации элита общества оказалась внутренне не готова к новой роли: она не завоевала свой статус в борьбе с внешним врагом, а получила его фактически в готовом виде, «проснувшись» поутру государственной элитой. Это обстоятельство, порождающее ограниченный горизонт политического видения, дефицит общегосударственного мышления и политической ответственности, способно оказать провоцирующее воздействие, усиливая имеющиеся в элите разногласия и способствуя возникновению в ней новых конфликтов. Все это делает новые государственные элиты зависимыми от внешних сил: не столько от «дарителей» суверенитета, зачастую не понимающих смысла сделанного ими дара, сколько от тех, кто сможет в прямом и переносном смысле наполнить государственные формы добавляющим для них содержанием. Такая зависимость в немалой мере компрометирует молодые постсоветские государства и ставит под вопрос прочность их политического будущего.

Таким образом, одним из глубинных оснований функциональной несостоятельности государства оказываются процессы, происходящие в элите общества, и прежде всего в политической элите. Состояние элиты – баланс внутреннего консенсуса и конфликта, доминирующие ценности, наличие стратегии развития и лидеров, способных консолидировать властву-

ющий слой – определяет ее способность эффективно использовать институты государства, разрабатывать и реализовывать ту или иную политическую стратегию. *Риски дефектного государства – это субъектные риски политических ответов на цивилизационные и социокультурные вызовы эпохи глобализации.*

Важной особенностью, объединяющей внутривнутриполитические и внешнеполитические вызовы эпохи глобализации, является их органическая связь со способностью субъекта обеспечивать собственное самосохранение посредством интеграции социальных общностей, институтов, региональных и национальных сообществ. При этом проблемы внутренней и международной интеграции решаются не в вакууме, а в динамично изменяющемся пространстве. С одной стороны, это пространство исторически сложившихся геоэкономических и геополитических конгломератов и метакультурных образований, с другой – региональных (наднациональных) экономических систем и сформировавшихся в них рынков, дополняемых несколькими локальными межгосударственными политическими союзами и блоками. В этих условиях особенно важно выбрать вариант (сценарий) стратегии социальной и международной интеграции, рассчитать возникающие при этом риски.

Среди субъектных рисков интеграции можно выделить риски запаздывания в принятии политических решений, когда стихийное развитие событий внутри страны или межгосударственных взаимодействий приводит либо к сдаче власти своих позиций, односторонней ассимиляции, либо к конфликтам. Не менее пагубны риски опережающего конструирования, когда гражданскому сообществу, экономике и культуре навязываются формы и сценарии, не актуальные с точки зрения развития внутренних потребностей. Подобные действия приводят к суррогатам интеграции, ее поверхностной имитации, за которыми скрывается деградация экономики и социальной сферы либо нарастание ксенофобии, неприязни и отторжению политики международных организаций.

Очевидно, что невозможность устранить риски протекания интеграционных процессов ставит вопрос о цене интеграции. Эта цена связана с эффективностью, гуманностью и справедливостью использования национальных природных и материальных ресурсов, социального капитала общества, с характером и режимом социально-политической мобилизации для преодоления коллизий интеграции. Специфика «интеграционного платежа» национального государства связана, в частности, с тем, что его объем и характер зависят от ряда факторов, связанных с нелинейностью, открытостью и стохастическим характером интеграционного политического выбора.

Среди них можно выделить, во-первых, то обстоятельство, что в условиях многополярного мира, реа-

лизуя одну из возможностей интеграции, мы отказываемся от других, жертвуя определенными выгодами и преимуществами. Соблазнительная для многих лидеров национальных государств возможность быть «службой двух господ» наталкивается на реалии современных интеграционных процессов: развитие многополярности сегодня таково, что дифференциация множества геополитических и геоэкономических сообществ еще не завершена. Более того, продолжается реконфигурация пространств влияния, а значит борьба за выбор каждого из национальных государств не окончена. В то же время становление сетевых взаимосвязей в мировой политике, открывающих возможность относительно безболезненного участия национальных государств в жизни разных сообществ и союзов, находится лишь на начальном этапе.

Цена внутренней и внешней интеграции определяется и темпоральными факторами: выгоды в ближайшей и долгосрочной перспективе могут не совпадать: сиюминутный политический успех может достигаться ценой опадания в перспективе десятилетий в историческую ловушку. В то же время гражданское сообщество крайне болезненно реагирует на мобилизационные сценарии, предполагающие обычно большой «отложенный спрос» не только на благосостояние, но и на демократические свободы. Возможности использовать средства компенсации социально-экономического и институционально-политического отставания, предоставляемые сегодня международными и региональными финансовыми институтами и снижающие мобилизационные издержки интеграции, обставлены соблюдением ряда условий, принятие которых порой крайне болезненно и практически неосуществимо. Все это указывает на важность не просто сформированности политических институтов, но и их устойчивого функционирования, становления традиций открытого, демократического принятия решений.

Реальность постсоветских обществ демонстрирует многообразные проявления того, как отстающая от идеалов и ценностных императивов модерна и постмодерна, но корпоративно сплоченная и активистски мотивированная деревенско-хуторская культура Украины вторгается в своих худших проявлениях в пространство городов, подчиняет себе просветительскую культуру интеллигенции и элиты, стимулирует деградацию культуры предпринимательства и управления. Этот «рванаш» деревенской патриархальности, по нашему мнению, становится возможным в результате слабости, фактической несформированности национальной городской культуры. Городской стиль жизни, равно как и его носители, является в этих обществах лишь продуктом поверхностной адаптации к индустриальной цивилизации. Эта среда не создала активных субъектов культурного творчества, способ-

ных к самостоятельному стратегическому действию и эффективному управлению. Ее представители, оказавшись в элите общества, лишь имитируют свою приверженность идеалам цивилизованной политики, то и дело скатываясь к «политическому варварству» с его воинствующим эгоизмом, клановостью, авантюризмом и произволом. Имитация цивилизованности в сочетании с архаической клановой организацией лишь скрывает деградацию элиты, способствует выдвиганию в ней на лидерские позиции случайных людей, что еще больше повышает риск принятия неадекватных решений.

Одним из проявлений неравномерности социально-политического развития сегодня является углубляющийся разрыв между его центрами и периферией как в локальном, так и глобально-планетарном масштабе. В условиях, когда этот разрыв затрагивает не только уровень и качество жизни, но и систему ценностей, установок и ориентиров, мы получаем ситуацию, когда общество, по словам О. Н. Яницкого, «все более разделяется на “свободных” риск-производителей и вынужденных риск-потребителей» [3, с. 156]. Политический центр цивилизационного развития противостоит здесь периферии как зоне нарастающей депрессивности; демократические новации – консерватизму авторитарной традиции; креативная деятельность – репродуктивной. Формами такого противостояния являются не только банальный паразитизм, процветание центра за счет ресурсов периферии, но и ее зависимое развитие, в котором центр выступает источником-инициатором, ресурсным монополистом, внешним оператором процесса [4]. В ряде случаев, желая обеспечить свое стабильное положение и отгородиться от решения реальных проблем периферии, дефектное государство мобилизует ресурсы для поддержания социально-политической стабильности в центре ценой поощрения конфликтов и дестабилизации социально-политического и экономического положения на местах.

Накопление рисков и связанных с ними негативных последствий приводит в итоге к таким противоречиям между регионами и странами, за которыми просматриваются деградация политики, процессов принятия решений, структур управления, криминализация депрессивных территорий, неконтролируемые миграционные процессы, крайние формы этноконфессиональной напряженности. Итогом политики дефектного государства является распад единого социально-политического пространства на изолированные локусы. Эти, пользуясь термином С. А. Кравченко, «темпомиры» оказываются настолько несовместимы друг с другом, что под угрозу ставятся не только политика и управление, но и национально-государственная целостность [5]. Не случайно крайними проявлениями этой деструктивной тенденции

оказываются гражданские войны, застойные международные конфликты, локальные войны и распад государств. Темпоральная перспектива развития дефектных государств с сообществами риск-производителей и риск-потребителей заключается в выборе несовместимых, часто экстремальных политических стратегий и сценариев.

Комплекс проблем, возникающих в контексте существования в современном мире «несостоявшихся» государств, ставит вопросы не только о помощи этим социально-политическим образованиям. Важно понять, насколько необходима сегодня форма суверенного национального государства для решения народами и сообществами проблем преодоления отставания в цивилизационном развитии, деструктивных проявлений культурной архаики и ограниченности традиционной культуры. Всегда ли способны национальные государства к формированию адекватного ответа на вызовы глобализирующегося сообщества? Есть основания полагать, что многие задачи цивилизационного и культурного прогресса могут быть решены на уровне социальной сферы в формах культурно-национальной автономии и полиэтничной гражданской нации, а на уровне национально-государственного устройства – в различных моделях федерализма. Соответственно, политическое будущее многих несостоявшихся государств заключается в их интеграции в различные международные объединения. Оптимальный сценарий такой интеграции предполагает многообразие режимов протекания процессов интеграции и различие в качестве интеграции как достигаемых результатах. Антиподом здесь могут быть потеря независимости в виде протектората или прямого поглощения.

Современное состояние культуры и цивилизации, с одной стороны, порождает ситуации, когда обнаруживается отставание государственно-политических субъектов выбора от вызовов времени, с другой – про-

дуцирует факторы, способствующие преодолению этого отставания. Дефектные государства могут сегодня рассчитывать не только на богатый политический опыт своих предшественников и современников, но и на помощь международных организаций, структур локальной и региональной наднациональной интеграции. Развитие многообразных каналов связи и коммуникаций, их сетевой характер способствуют сглаживанию цивилизационных различий между центром и периферией. Сетевые взаимосвязи, пронизывающие разные сферы жизни современных обществ, стимулируют формирование отношений сотрудничества, солидарности, обмена опытом на локальном и муниципальном уровнях, что в итоге позволяет создавать условия, в которых дефектные государства могли бы решать свои внутренние проблемы с минимумом издержек, выбирать и реализовывать оптимальную траекторию цивилизационного развития составляющих их народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красильщиков В. А. Актуальный предмет исследования – несостоявшиеся государства / В. А. Красильщиков // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2008. – № 7. – С. 101–111.
2. Подвинцев О. Б. Идея «несостоявшихся государств» в российском постимперском контексте / О. Б. Подвинцев. – Режим доступа: <http://www.ifp.uran.ru/files/publ/eshegodnik/2007/15.pdf>
3. Яницкий О. Н. «Турбулентные времена» как проблема общества риска / О. Н. Яницкий // *Общественные науки и современность*. – 2011. – № 6. – С. 155–164.
4. Хорос В. Г. Центр-периферийные отношения за полвека : основные тренды изменений / В. Г. Хорос // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2014. – № 2. – С. 53–66.
5. Кравченко С. А. Становление сложного общества : к обоснованию гуманистической теории сложности / С. А. Кравченко. – М. : МГИМО – Университет, 2012. – 306 с.

Волгоградский государственный университет

Стризов А. Л., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии

E-mail: strizoe@yandex.ru

Тел.: 8-902-360-85-97

Volgograd State University

Strizoe A. L., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Philosophy Department

E-mail: strizoe@yandex.ru

Tel.: 8-902-360-85-97